

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И ЕЕ ПЕРЕВОДОВ)

Исследование в сопоставительном аспекте отношений, представленных в аспектуально-темпоральном комплексе русского и английского языков, представляется научно перспективным, так как позволяет проследить неоднозначность содержания и многоаспектность проявления идеи времени в разных языках. Рассматриваются план содержания поля аспектуальности, принципы отражения характера протекания действия, а также одноуровневые и разноуровневые средства, направленные на выражение аспектуальной семантики в языках разного типа, какими являются русский и английский. Обращение к текстовой реализации аспектуальных отношений позволяет дополнить картину их описания, выявить способы достижения эквивалентности перевода русских единиц с аспектуальной семантикой на английский язык.

Ключевые слова: аспектуальность; вид глагола; русский язык; английский язык; эквивалентность перевода.

Для современной науки представляет особый интерес то, каким образом человек воспринимает отдельные фрагменты отражаемой сознанием действительности и представляет их в языке. При универсальности общих когнитивных законов каждый язык обладает специфическими средствами репрезентации языкового содержания. Не являются исключением аспектуальные признаки действия, для обозначения которых языки используют не только разные внутрикатегориальные средства выражения, но и различные категории для интерпретации характера протекания действия, его временных и предельных рамок. Для подтверждения сказанного обратимся к анализу аспектуальных отношений в русском и английском языках.

Являясь одной из важнейших языковых категорий, отражающих идею «внутреннего» времени, аспектуальность охватывает ряд частных значений, оказывающихся в отношениях пересечения с содержанием категорий длительности, фазовости, перфектности, кратности и др. Разработанная в рамках теории функциональной грамматики концепция аспектуального поля русского глагола трактует данную категорию как имеющую четко очерченное ядро и располагающую для выражения своего содержания разноплановыми языковыми средствами. По мнению исследователей, в русском и других славянских языках ядерным средством выражения аспектуальных отношений выступает категория вида, которая «представляет собой наиболее специализированное и регулярное грамматическое средство» [1. С. 56], в то время как остальные средства выражения аспектуальности носят не грамматический характер.

К ядру примыкает категория предельности / неопределенности (в другой терминологии лимитативности), которая организует «лексико-грамматическую зону» аспектуальности [2]. Данная категория является семантической, ее содержание составляют разные типы отношения действия к пределу: при внешнем пределе действия временная граница связана с внешними признаками по отношению к действию (с наступлением другого действия или с указанием на срок окончания действия), внутренний предел определяется характером действия, заложенным в значении самого глагола (т.е. через значения вида и способов глагольного действия) [1]. При этом внутренний предел может быть

реальным (т.е. пределом, который достигнут в ходе действия) и потенциальным (т.е. пределом, на который направлено действие). Исследователями отмечается, что реальный предел «получает в русском и в других славянских языках эксплицитное грамматическое выражение как один из элементов (наряду с признаком целостности) категориального значения СВ (совершенного вида. – В.К., Ю.Ф., А.Ш.)» [3. С. 398], т.е. соответствует одному из частных значений этого вида. Потенциальный предел выражается при помощи несовершенного вида, пересекаясь в этом случае с частным значением данного вида, так как понятие подобного предела связано с процессуальностью. Несовершенный вид, «не обладая способностью выражать эксплицитный предел, способен к такому употреблению, при котором передается предел имплицитный» [Там же. С. 399], он подразумевается, исходя из знания значения глагола, общего коммуникативного контекста, но не выражается специальным языковым средством (как, например, в предложении *Вдруг начинается дождь и появляется она*), в то время как «эксплицитный предел может быть выражен только формами СВ» [Там же].

Таким образом, семантическая категория лимитивности тесно связана с категорией вида: формальные различия между потенциальным и реальным пределом действия сводятся к различию между видовыми формами.

К ближайшей периферии рассматриваемого поля относятся такие средства выражения аспектуальных значений, как способы действия, которые представляют собой «лексическую (отчасти словообразовательную, отчасти лексико-семантическую) аспектуальность» [2. С. 50]. Под способами глагольного действия понимаются семантические группировки глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия [Там же]. Следует отметить, что при пересечении плана содержания вид и способы действия различаются в принципах и средствах выражения. Видовая характеристика является обязательной для всех глаголов русского языка. Видовое противопоставление, которое может осуществляться внутри одной лексемы и в пределах одного лексического значения, производится с помощью системы грамматических форм, грамматических средств выражения видовых значений. В отличие от видов способы действия не составляют грамматическую категорию, не имеют

четких парадигматических противопоставлений и реализуются в пределах лексических различий между глаголами.

Несмотря на длительную отечественную и зарубежную традицию в изучении способов действия русского глагола, единая классификация способов действия отсутствует. В русской грамматической традиции функционирует несколько десятков названий для обозначения способов глагольного действия, а количество выделяемых способов действия в рамках русской глагольной подсистемы варьируется от десяти до тридцати и более.

С точки зрения наличия / отсутствия специальных морфемных средств выражения способов действия выделяются нехарактеризованные, характеризованные и непоследовательно характеризованные способы действия [2]. В первом типе указание на характер протекания действия является частью лексического значения глагола, т.е. представляется «природным» (глаголы состояния – *болеть, спать*; глаголы развития – *плакать, жить, обедать* и т.д.).

В характеризованных способах действия основным средством выражения характера протекания действия становится присоединяемый к глаголу определенный формальный показатель, в качестве которого чаще всего выступает глагольный префикс, модифицирующий семантику исходной единицы (глаголы с приставкой **за-** начинательного способа действия – *заволноваться, заскучать, забегать*; глаголы с приставкой **про-** длительно-ограничительного способа – *проплясать, пробежать, простоять*; единицы с префиксом **раз-** и частицей **-ся** усилительного способа действия – *разволноваться, раскричаться* и т.п.). В данном случае следует говорить о способах действия как словообразовательных разрядах глагола. Промежуточные единицы исследователи относят к непоследовательно характеризованным способам действия (глаголы общерезультативного способа действия с различными префиксами *записать, постирать*; глаголы одноактного способа действия с суффиксом **-ну-** *клюнуть, плюнуть* и т.д.), в которых акциональные параметры глагола могут передаваться и лексически, и морфемно.

К лексическим средствам выражения аспектуальности исследователи относят «аналитические способы действия», способные выражать отношения фазовости, начинательности и т.п. посредством сочетания фазового и смыслового глаголов [4].

Периферийные средства выражения аспектуальности включают неглагольные лексические показатели – слова и сочетания слов, определяющие характер протекания действия (показатели краткости действия, его единичности *изредка, иногда* и др.; показатели длительности – наречия *все время, долго* и др.). При этом неглагольные показатели выступают в качестве дополнительных средств экспликации аспектуальности, являются внешними показателями протекания действия по сравнению с обязательными внутренними маркерами аспектуальности, выражающимися посредством форм грамматического вида, выразителей предельности / неопределенности действия и способов глагольного действия.

Дальнюю периферию русского аспектуального поля составляют синтаксические средства репрезента-

ции аспектуальных характеристик действия (порядок слов, средства связи), которые представляются не основными для языков флективного типа.

Строение аспектуального поля в английском языке представляется принципиально иным как в силу иной общеязыковой структуры, так и из-за внутренних особенностей английского языка. В древнеанглийском языке существовал период, когда в языковой системе функционировала категория вида, представленная, как и в русском языке, двумя видами [5], однако прибавление приставки в качестве средства передачи видового значения к глаголу приводило к образованию глагола с абсолютно новым значением, отличающимся от глагола несовершенного вида (*ситап (приходить) – беситап (случаться)*), что наблюдается в современном русском языке (*спать – проспать; плакать – выплакать* и др.). В среднеанглийский период произошло отмирание приставок, вследствие чего морфологическое средство выражения видов утратилось [Там же], а вид как грамматическая категория в английской системе перестал существовать.

Таким образом, категория вида в русском и английском языках имела сходные тенденции становления, однако пути развития содержательной стороны данного явления оказались принципиально различными. В отличие от русского языка, в английском вместо утратившейся категории вида сложилась сложная временная система, которая «на определенном этапе своего развития, уже в новоанглийский период, дала начало новым видовым характеристикам действия и процесса» [5. С. 124].

Следует отметить, что вопрос о категории вида в английском языке в научной литературе решается по-разному. В ряде зарубежных исследований вопросы о видовых характеристиках английского глагола вообще не рассматриваются, однако те отечественные и зарубежные лингвисты, которые затрагивают данную проблему, считают бесспорным видовой характер форм Continuous, а противопоставленные им формы Indefinite квалифицируют как лишенные видового значения [6].

В отечественной германистике распространена видовая концепция А.И. Смирницкого [7], с точки зрения которого, грамматическая категория вида, передающая особенности протекания действия и обладающая определенными формальными показателями, в английском языке существует, она выстраивается на противопоставлении длительных и недлительных английских глагольных форм. При этом противопоставляются конкретно-процессный вид (Progressive) и общий вид (Simple). Общий вид (недлительный вид) обозначает сам факт совершения действия, длительный вид акцентирует внимание на течении действия, развитии процесса. В отличие от русского вида, имеющего классифицирующий характер видовых форм, практически каждый глагол в английском языке может принимать форму как общего, так и длительного вида.

Л.С. Бархударов [8] отмечает, что действие, обозначаемое формой недлительного вида, может передавать совершенно разные значения: однократно-мгновенное, многократное, длящееся на протяжении

целого периода времени, вообще не ограниченное во времени. Однако исследователь указывает на то, что недлительный вид самостоятельно не способен выражать эти (и другие возможные) значения. Данные значения проявляются только в соответствующем контексте, в результате взаимодействия лексического значения глагола и значения окружающих слов. Таким образом, определяющим параметром в этом случае является аспектальный контекст, в состав которого «включаются те неглагольные элементы текста, которые оказывают влияние на характер информации об аспектальных признаках действия» [13. С. 12], прежде всего, обстоятельственные слова.

Противоположная точка зрения на грамматическую категорию вида представлена в исследовании И.П. Ивановой (а также в работах В.Н. Ярцевой, В.Я. Плоткина и др.) [9], исходя из которой, категории вида как таковой в английском языке не существует: видовые значения и временные формы в английском языке тесно взаимосвязаны друг с другом, т.е. вид в английском языке представлен посредством временных глагольных форм. По мнению исследовательницы, время и вид составляют единую «гиперкатегорию», т.е. видовременную систему языка. При таком взгляде на видовые характеристики глагольных единиц основным становится вопрос о том, какие разряды времен передают не только временные характеристики действия, но и видовые, т.е. вопрос о видовом характере глагола. При этом предельность как возможность глагола выражать предел действия и непредельность как отсутствие указанной возможности представляются важным лексико-семантическим признаком каждой глагольной единицы. Однако, в отличие от русской грамматической системы, в английском языке выделяют двойственные глаголы, составляющие основной массив глагольной лексики. Их двойственность проявляется в способности выражать как предельное, так и непредельное значение (ср. *Suddenly I felt a terrible pain* (Past Indefinite Tense) / *Вдруг я почувствовал ужасную боль* и *During two hours I felt a terrible pain* (Past Indefinite Tense) / *В течение двух часов я чувствовал ужасную боль*). Квалификатором того или иного значения, как считают грамматисты, является соответствующий контекст, что само по себе демонстрирует отсутствие резких границ между указанными типами глаголов [Там же].

Двойственный характер английских глаголов обусловлен их полисемантизмом. Так, в английском языке существует большое количество глагольных единиц, имеющих несколько лексических значений, не равнозначных по своему видовому характеру (*know*: 1. *знать*; 2. *узнавать*; *observe*: 1. *соблюдать законы, обычаи*; 2. *делать замечание, комментировать* и т.п.). Отметим, что в русском языке выделяется аналогичное языковое явление – двувидовые глаголы (*казнить*, *телеграфировать*, *аттестовать* и др.).

Содержание видового характера английского глагола не вполне совпадает со значением русского совершенного и несовершенного вида. Непредельные английские глаголы, как правило, соответствуют несовершенному русскому виду, однако английским предельным единицам в русском языке могут соот-

ветствовать как формы совершенного, так и формы несовершенного видов (ср. *he approached* – *он приблизился*, но *he was approaching* – *он приближался*).

Таким образом, вопрос о сущности категории вида в английском языке до сих пор вызывает большое количество научных споров, утверждение о наличии в языке данной категории как самостоятельной не является однозначным, однако бесспорным является тот факт, что в английском языке видовое значение выражается через временные формы. При этом категория английского времени базируется одновременно на отношениях темпоральности и аспектualityности (в некоторых случаях таксиса), т.е. при сопоставлении аспектualityного поля в русском и английском языках следует отметить, что ядро аспектualityности в английском языке составляют те глагольные времена, которые направлены на передачу видовых (в большей степени предельных / непредельных) отношений в сфере глагола.

В связи со сказанным выше английские времена делятся на несколько разрядов (основной разряд, длительный, перфектный, перфектно-длительный) [6]. К основному разряду относятся формы Indefinite, к длительному – формы Continuous, перфектный разряд составляют формы Perfect, перфектно-длительный – формы Perfect Continuous. При этом глаголы в форме одного и того же времени, относящиеся к основному разряду, могут передавать абсолютно противоположные значения законченности действия и его незаконченности, квалифицирующиеся как прямо противоположные видовые значения. Подобное явление, связанное с сосуществованием нескольких грамматических значений в одной форме, свойственно многим языкам, однако «совершенно необычно наличие в одной и той же форме двух равноправных диаметрально противоположных грамматических значений» [6. С. 61]. Из этого следует, что основной разряд, несмотря на наличие оттенков законченности / незаконченности действия, не имеет собственного видового содержания, выражает данные значения непоследовательно и не через грамматическую форму, а через контекст или через видовой характер самого глагола (ср. *Table stood near the door* / *Стол стоял рядом с дверью* и *Mister Mark came in to the room and everybody stood* / *Мистер Марк зашел в комнату и все встали*), поэтому его нельзя отнести к видовременным формам [6]. В.В. Гуревич считает, что «индефинитная форма в определенном контексте может выражать все те же видовые значения, что и каждая из сложных форм, и, следовательно, по видовым характеристикам в целом не противопоставлена остальным формам» [5. С. 38].

В отношении времен длительного разряда мнения исследователей (Б.М. Чарльстон, Г. Дитрих, В.Н. Ярцева, И.П. Иванова и др.) практически совпадают: основными значениями времен этого разряда являются «фактически происходящее действие», «развитие процесса», «длительное действие», «незавершенное действие», т.е. за длительным разрядом закреплено видовое значение незаконченности действия. При этом реализация данного значения практически не зависит от контекста. Отметим, что, рассматривая основной и длительный разряды с точки зрения видовой

принадлежности, И.П. Иванова, как и ряд других исследователей, указывает на грамматическую синонимию времен данных разрядов, под которой подразумевается возможность передавать одни и те же временные и видовые оттенки разными временными формами, относящимися к различным разрядам [6]. Синонимия не наблюдается у предельных глаголов прошедшего времени, так как предельные глаголы в основном разряде чаще всего передают достигнутый предел, предельные глаголы в длительном разряде – процесс действия, стремящегося к пределу (ср. *She came to me and began crying* / Она подошла ко мне и начала плакать (основной разряд, Past Indefinite Tense) и *All that time she was coming to our house* / Все то время она шла к нашему дому (длительный разряд, Past Continuous Tense)).

Говоря о перфектном разряде, аспектологи отмечают его бесспорный видовременной характер, так как его основным значением является результативность действия. О. Есперсен утверждал, что перфект и есть «результативный вид», поэтому это видовая форма, а не темпоральная [10]. Кроме того, помимо результативности, перфект направлен на выражения значения законченности. Однако временные формы перфектного разряда не всегда передают результативное значение, оно отсутствует у непредельных глаголов, «обозначающих такое действие, которое и не направлено к пределу» [6. С. 109]. Так, в предложении типа *I have lived here all my life* / Я живу здесь всю мою жизнь выражена лишь длительность действия вследствие непредельности глагола *live*, в то время как в предложении *I have built a house* / Я построил дом реализуется значение законченности и результативности действия, так как в этом случае использован предельный глагол [5].

Перфектно-длительный разряд английских времен, по мнению исследователей, следовало бы отнести либо к длительному, либо к перфектному [11]. Уникальность данного разряда заключается именно в том, что входящие в него формы времени способны передавать одновременно два различных видовых значения. Так перфектно-длительный разряд передает действие, протекающее в течение определенного периода, заканчивающееся в определенный момент либо продолжающееся до определенного момента (*The experiments have been being carried since 1980* / Эксперименты проводились с 1980; *I had been reading this book since 3 o'clock when he came* / Я читал эту книгу с 3 часов, когда он пришел).

Обобщая сказанное об английском поле аспектуальности, следует отметить отсутствие в английском языке специфических формальных средств выражения аспектуальных значений. Данные значения реализуются с помощью временных форм, контекста и видового характера глагола, детерминированного в том числе его лексическим значением. Разные временные разряды имеют закрепленные за собой видовые значения, при этом видовая сущность только некоторых из времен не ставится грамматистами под сомнение благодаря наличию у них постоянного видового значения, не обусловленного контекстом.

Наличие в английской языковой системе такого способа передачи аспектуальных отношений, как спо-

собы глагольного действия, не менее активно обсуждается в лингвистической литературе. Спорными представляются и вопрос о наличии данного класса глагольных единиц в языке, и вопрос о соотношении способов действия и категории вида. Так, К. Кабакчев [14] считает, что способы действия являются особыми аспектуальными характеристиками глагола, однако их исследование более значимо и характерно для славянских и германских языков. Т.Н. Степкина [13], напротив, считает данные группировки глагольных единиц характерными для английского языка, отмечает, что они отражают семантику протекания действия, тесно взаимосвязаны с предельностью / непредельностью действия и отличаются рядом средств выражения. В отличие от русского языка, английскому языку как языку аналитического строя в основном присущи бесприставочные способы действия.

Таким образом, в английском языке выделяют лексические способы действия, связанные со сферой лексической семантики глагола, и аналитические способы действия, реализующиеся через сферу синтаксиса. Первые представлены глаголами, различающимися по денотативному значению и объединяющимися «на базе общности выражаемых ими акциональных признаков действия: способа протекания и распределения действия во времени» [10. С. 11]. В данном случае указание на характер протекания действия является элементом лексического значения глагола, как и в случае с русскими нехарактеризованными способами действия. Среди них выделяются дуративный (*sleep*), статальный (*hate, see*), одноактный (*knock*), общерезультативный (*finish, break, commence*) и другие способы глагольного действия. Аналитические способы действия объединяют свободные глагольные сочетания, состоящие из фазового компонента и основного глагола (*start / begin to run, go on / continue to run, give up / stop / finish*), и аспектуальные конструкции – особые синтаксические образования со значением различных способов действия, состоящие из десемантизированного глагола и инфинитива или герундия (а также прилагательного, выступающего в данной конструкции в роли глагола). При этом «лексическим ядром конструкции является второй компонент, а ее акциональное значение вытекает из сочетания в целом» [10. С. 15]: *come / grow / get / set + Inf. / прил.*; *get / set / fall / take + Ger. / прил.*; *keep + Ger.*; *used to + Inf.* и т.п.

Заметим, что типология способов действия, предлагаемая Т.Н. Степкиной, по всей видимости, отражает общие принципы передачи аспектуальных (а также темпоральных и др.) отношений в английском языке как языке с не аффиксальной системой, для которого преимущественными являются семантические возможности глагола и аналитизм в номинации особенностей протекания действия. Следует отметить и то, что, несмотря на разницу в способах и средствах выражения аспектуальности в русском и английском языках, выделяемые в них способы действия глаголов содержательно не только соотносятся друг с другом, но и во многом совпадают. Это говорит об общих для данных языков критериях оценивания действия с точки зрения его внутреннего порядка и принципа организации. Однако сопоставительное описание возмож-

ностей языковой системы в сфере передачи аспектуальных отношений было бы неполным без анализа текстовой реализации данных отношений. Одним из возможных путей изучения межъязыковой эквивалентности в области той или иной семантики (грамматической и лексической) является обращение к переводу, в этом случае текстовый массив позволяет проследить конкретную реализацию языковых отношений (в данном случае аспектуальных). Далее обратимся к описанию особенностей реализации единиц аспектуального поля в повести М. Булгакова «Собачье сердце» [15] и ее переводах на английский язык (пер. Avril Pyman и Michael Glenny) [16, 17].

В ходе анализа повести и ее английских переводов, как и предполагалось, были отмечены указанные выше особенности репрезентации аспектуальных характеристик действия в русском и английском языках. Различия в принципах и средствах обозначения предельности / неопределенности действия в двух языках отражаются и в тексте. Так, через глаголы несовершенного вида *смеяться*, *чувствовать* обозначаются действия, мыслимые носителями русского языка как не имеющие предела: *Смеялся в коридоре, глядя на электрическую лампу. Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно*. Для обозначения предельного действия в русском тексте используются префиксальные единицы совершенного вида, отличающиеся от предыдущих не только видовым значением, но и способом глагольного действия (соответственно начинательным и общерезультативным): *Борменталь захлопнул дверь, не выдержал и засмеялся. Словая его, пёс вдруг почувствовал, что он хочет спать, и больше не может видеть никакой еды*.

Соответствующие рассмотренным русским глаголам английские единицы в тексте перевода повести демонстрируют проявление полисемантизма, свойственного в целом английским двойственным глаголам. Так, английский глагол *laugh*, в отличие от русского аналога (*смеяться* / *рассмеяться*), вне конкретизирующего контекста способен обозначать и предельное, и неопределенное действие. Предельный характер двойственного глагола *laugh* в переводном тексте проявляется благодаря наличию соответствующего контекста, который содержит в себе перечисление уже совершенных действий, достигших своего предела, в результате чего действие, обозначенное рассматриваемым глаголом, расценивается как предельное: *Bormenthal slammed the door, unable to contain himself any longer he laughed* / *Борменталь захлопнул дверь, не выдержал и засмеялся*. Таким образом, предельные значения двух первых глаголов детерминируют значение предела в двойственном глаголе *laughed*.

Предельный характер двойственного глагола *feel* (*чувствовать*) в английском переводе определяет следующий контекст: *When he had gulped it down the dog suddenly felt that he wanted to sleep and cold not bear the sight of any more food* (а также *Having downed this, the dog suddenly felt* (...)) / *Когда он съел его, пёс вдруг почувствовал, что он хочет спать и больше не может видеть никакой еды*. В данном случае значение предельности глагола *felt* прочитывается благодаря наличию наречия *suddenly* (*вдруг*), которое указывает на соответствующий характер единицы.

Анализ реализации аспектуальных отношений в русском и английском текстах показывает различие в репрезентации частных видовых значений завершенности / незавершенности действия. В русском тексте передача подобных видовых значений осуществляется через грамматическую категорию вида (и соответственно средства ее выражения), в то время как в английском переводе повести для передачи аналогичной семантики используется грамматическая категория времени (с соответствующими типами времен): *Он очень расстроился, поджал хвост и ушел в ванную комнату* / *He was very upset, put his tail between his legs and disappeared into the bathroom* (Past Indefinite Tense) / *He was very upset, tucked his tail between his legs and went to the bathroom* (Past Indefinite Tense); *Шарик временами забывал об этом* (...) / *But for the moment Sharik forgot about it* (...) (Past Indefinite Tense) / *But Sharik sometimes even forgot about it* (...) (Past Indefinite Tense).

В приведенных выше русских предложениях значения завершенности / незавершенности действия передаются с помощью видовых средств (перфектных префиксов и суффиксов имперфективации). Соответствующие предложения английского перевода повести демонстрируют иную картину: в обоих случаях (и соответственно в двух переводах) используются глаголы в форме одного и того же времени (Past Indefinite Tense), способные передавать значения и завершенности, и незавершенности действия. Дифференцирующую роль в данном случае играет контекст. В случае реализации семантики завершенности действия глагол *disappeared* употребляется в контексте перечисления совершаемых действий, первое из которых имеет значение завершенности (*was very upset*), соответственно два последующих действия выражают аналогичное значение, а рассматриваемый нами глагол *disappeared* – и результат действия.

Значение незавершенного действия у глагола *forgot* определяет иной контекст: данное значение оказывается возможным благодаря обстоятельству *sometimes* (*иногда, временами*), которое позволяет глаголу реализовать только значение незавершенности действия. В другом варианте переводчик выбирает неудачный вариант лексической компенсации значения незавершенности действия *for the moment* (*в данный момент*), и ему не удается передать данное значение в английском тексте: *But for the moment Sharik forgot about it* (...) / *Но в эту минуту Шарик забыл об этом* (...). Данный пример иллюстрирует значение и значимость контекста в определении завершенного / незавершенного типа действия.

Обращение к английскому переводу повести дает аналогичные результаты наблюдения и в отношении не только разных, но и одного глагола основного разряда времен (Past Indefinite Tense), способного передавать противоположные видовые значения: – *Спасибо, говорил Филипп Филиппович* / *“Thank you”, said Philip Philipovich; Филипп Филиппович потух, обмяк, завалился в кресло и сказал* (...) / *Philip Philipovich limp and exhausted, collapsed into his chair and said* (...).

На наличие в английском языке грамматической синонимии, под которой подразумевается возмож-

ность передавать одни и те же временные и видовые оттенки разными временными формами, указывается в целом ряде научных источников [6, 9, 10]. Обращение к английским переводам повести М. Булгакова (by Avril Pyman и Michael Glenney) позволяет проследить видовременную синонимию форм разных временных разрядов при сопоставлении фрагментов двух английских переводов рассматриваемой повести с оригиналом. Так, следующее предложение из русского текста повести переводится на английский язык двумя переводчиками с использованием разных временных форм, относящихся соответственно к основному и длительному разряду: *Понятно, я вас спрашиваю?* / *“Do you understand me, I ask you?”* (Present Indefinite Tense) / *“I am asking you – do you understand?”* (Present Continuous Tense).

Отметим, что, по мнению исследователей, подобная синонимия практически не наблюдается в языке среди форм прошедшего времени основного и длительного разрядов [6], при этом при сопоставлении рассматриваемых переводов повести находим случаи, когда в различных переводах представлены формы прошедших времен разных разрядов, передающие одни и те же видовые значения (незавершенности и длительности действия) аналогичной глагольной формы текста оригинала: (...) *гремел он, подобно древнему пророку* / (...) *was thundering away like a prophet of olden times* (Past Continuous Tense) / (...) *he thundered like an ancient prophet* (Past Indefinite Tense); *Он смомпел, как работает Дарья Петровна* / *He was watching Darya Petrovna at work* (Past Continuous Tense) / *He watched Darya Petrovna at work* (Past Indefinite Tense). Текстовый анализ показывает наличие аналогичной синонимии внутри переводов в отношении времен не только основного и длительного разрядов, но и основного разряда и перфектного разрядов (а именно Present Perfect Tense и Past Indefinite Tense) при передаче значения завершенного действия: *Зина захлопнула в нее [в переднюю] дверь* / *Zina has closed the door* (Present Perfect Tense) / *Zina closed the door* (Past Indefinite Tense). Для русского языка подобная грамматическая синонимия в целом характерна гораздо в меньшей степени из-за более жесткой специализации глагольных форм грамматических категорий вида и времени на выражении определенного типа значений.

При сопоставлении аспектуальных полей в русском и английском текстах наиболее показательными представляются факты перевода на английский язык такого проявления русской аспектуальности, как способы действия. Характер протекания действия, несомненно, является одним из важнейших параметров интерпретации и номинации действия, однако в языках с разной структурой и внутриязыковыми тенденциями (какими являются русский и английский языки) средства его репрезентации принципиально различны. Это не означает, что «средствами английского языка нельзя выразить разницу в характере протекания действия. Английский язык располагает для этого целым рядом средств; так, неоднократность, повторность действия может быть выражена посредством союзного наречия *whenever* (ср. *whenever* he asked Rosalia...),

однократность – при помощи наречия времени *once* и пр.; однако все это относится к лексическим (или лексико-грамматическим) средствам выражения значений» [11. С. 145]. Подобные значения, в отличие от тех, которые передаются грамматически и, как следствие, не могут не передаваться (как, например, русский вид), «выражаются, так сказать, факультативно, то есть могут оставаться невыраженными, неуточненными, поскольку в строе предложения говорящий (и пишущий) всегда имеет возможность более или менее свободного выбора лексических элементов (слов)» [11. С. 146]. При переводе оказываются важными и принципы передачи тех или иных смыслов (в данном случае СГД русского глагола), используемые в английском переводном тексте, и сам процесс выбора переводчиком средств из полного набора языковых потенций «для передачи одного из возможных способов представления того смысла, который он хочет выразить» [12. С. 363], так как, по мнению Р.О. Якобсона, «эквивалентность на уровне смысла сочетается с различиями в плоскости языкового содержания сопоставляемых высказываний и значений отдельных его элементов» [Там же].

Таким образом, лексико-семантическая сторона аспектуальности представляется не менее значимой, чем грамматическая. Взгляд на нее сквозь призму перевода русского текста на английский язык позволяет увидеть специфику данного фрагмента аспектуального поля в действии (т.е. в текстовой реализации рассматриваемых языковых отношений) и охарактеризовать языковой потенциал средств достижения межъязыковой эквивалентности в сфере обозначения действия. В результате проведенного анализа были выявлены следующие способы перевода на английский язык русских глаголов, характеризующиеся определенным способом действия.

1. Перевод свободными глагольными сочетаниями с фазовым глаголом: *Он запел сквозь зубы* / *He began to sing under his breath*; *В ванной что-то запрыгало* / *Something began to jump in the bathroom* и т.д. В подобных случаях русским глаголам начинательного способа действия со специализированным средством выражения – префиксом *за-* соответствуют свободные глагольные сочетания аналитического способа действия [13], представленные фазовым компонентом (в данном случае *began*) и смысловым глаголом (ср. *запел* – начал петь). Данный тип переводческих трансформаций наиболее представлен в отношении передачи именно начинательной семантики русского глагола.

2. Перевод аналитическими сочетаниями слов, в том числе аналитическими конструкциями (в терминологии Т.Н. Степкиной), передающими способ протекания действия, которые могут быть квалифицированы как английские аналитические способы действия: *Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние* (ограничительный СГД) / *He spoke for a while and then began to regress towards his original condition* (дословно: *говорил некоторое время*); *Дарья Петровна побледнела* (общерезультативный СГД) / *Darya Petrovna grew pale* (дословно: *стала бледной*); *Он тямкнул* (одноактный СГД) / *He gave a timid yelp* (дословно: *он робко*

гавкнул); **Накурили** они (кумулятивный СГД) / *They had filled the room with smoke* (дословно: наполнили комнату дымом); Филипп Филиппович **перекричал** его (превосходный СГД) / *Philip Philipovich out shouted him* (дословно: пере-кричал) и т.д.

В каждом из представленных русских глаголов в качестве средства, характеризующего определенный способ действия, выступает аффикс, вносящий в семантику глагола соответствующее данному СГД значение, в то время как в английском тексте выразители аспектуальности аналитичны и содержат лексическую единицу, указывающую на ту особенность протекания действия, которая передается с помощью русского приставочного глагола. Так, например, русский глагол *поговорил* с префиксом **по-** обозначает действие, ограниченное во времени и в полноте своего проявления. Его аналогом в переводном тексте выступает сочетание **spoke for a while** со значением темпоральной ограниченности действия.

Таким образом, особенно продуктивным средством передачи семантики русских характеризованных (а также непоследовательно характеризованных) способов действия оказываются английские аналитические сочетания, отражающие общность аспектуальных критериев названия действия в сопоставляемых языках.

3. Перевод глаголом с аналогичным русскому приставочному глаголу значением (в терминологии Т.Н. Степкиной лексическим способом действия), при этом указание на характер протекания действия является элементом лексического значения английского глагола (в том числе фразового), в то время как русский глагол характеризуется особым словообразовательным средством для выражения аналогичного значения: **Зашил** голову пса (общерезультативный СГД) / *He had sewn up the dog's head* (дословно: зашил); Он вежливо **щелкнул** каблуками к профессору (Одноактный СГД) / *He politely clicked his heels to the professor* (дословно: щелкнул); Неимоверный запах котом тотчас **расплылся** по всей передней (усилительный СГД) / *An incredibly powerful aroma of cats immediately permeated out to fill the whole hall* (дословно: распространился); Пес **глянул** на него (Одноактный СГД) / *The dog glanced at him* (дословно: глянул); (...) Они бок мой **изрежут** (дистрибутивный СГД) / *They will cut up my side* (дословно: разрежут на куски); Ведьма сухая метель **загремела** (...) (Начинательный СГД) / *The terrible snowstorm howled* (...) (дословно: завывала).

Особо следует выделить случаи эквивалентности между русскими глаголами нехарактеризованных способов действия и соответствующими им английскими глаголами лексических способов действия: С воспалением легких **полагается лежать** на парадном ходе под лестницей (Статальный СГД) / *When you get pneumonia the only thing to do is to lie up under someone's front doorstep* (дословно: лежать); Это будет **стоить** пятьдесят червонцев (Реляционный СГД) / *It will cost 50 roubles* (дословно: стоить); Очень настойчиво, с захватской ловкостью **играли** за двумя стенами на балалайке (Эволютивный СГД) / *Someone was hard at work playing a rousing tune on he*

balalaika two rooms away (дословно: играя). Смысловое соответствие в данном случае выстраивается в лексической плоскости за счет сходного значения оригинального и переводного глаголов.

Характеризуя особенности перевода на английский язык единиц с аспектуальной семантикой, нельзя не отметить случаи, когда перевод глаголов характеризованных СГД оказывается не вполне адекватным оригиналу. При этом русским единицам в английском тексте могут соответствовать как сочетания слов, так и отдельные слова: **Нажрешься** бесплатно колбасных головок (Кумулятивный СГД) / *You can get a free meal* (дословно: можешь достать бесплатную еду); **Зазвенели** склянки в шкафу (Начинательный СГД) / *There was a clink of glass phials in the cupboard* (дословно: был звон склянок); Голубчик, не сердитесь, меня он так **задёргал**... (Интенсивный СГД) / *You can not believe what this creature has done to my nerves* (дословно: что это существо сделало с моими нервами) / *He has got on my nerves* (дословно: он сел на мои нервы); Тут Шариков испугался и **приоткрыл** рот (смягчительный СГД): *Frightened, Sharikov opened his mouth* (дословно: открыл / раскрыл); Две пары уже **пришлось прикупить** и еще одну купите (дополнительный / смягчительный СГД) / *You have already had to buy two new pairs and now you will have to buy another* (дословно: должны были купить); **Подпел** пациент (сопроводительный СГД) / *Sang the patient* (дословно: пел); Отлично, а мы пока его **понаблюдаем** (ограничительный СГД) / *Meanwhile we will examine him* (дословно: исследуем / изучим / осмотрим); – Минутку, доктор! – **приостановил** его Филипп Филиппович (...) (смягчительный СГД) / *“Just a minute, doctor!”, Philip Philipovich stopped him* (дословно: остановил) / *“Just a moment, Doctor!” Philip Philipovich halted him* (дословно: остановил).

Представляется интересным, что переводчиками не всегда отражаются значения смягчительности, ограничительности действия, являющиеся, по мнению исследователей, принципиально существенными для носителей русского языка и отражающими общие тенденции в интерпретации действия в данном языке. Подобные случаи отражают скорее переводческие неудачи, так как «отсутствие тех или иных грамматических (равно как и лексических) средств в одном из языков отнюдь не создает непреодолимых препятствий при переводе» [11. С. 143], что демонстрируется в преобладающем числе случаев в рассматриваемых переводах повести.

Подводя итог сказанному, следует отметить общие черты в содержании и объеме аспектуальных отношений, выражаемых русским и английским глаголом, для которого характерны значения предельности / неопределенности действия, его завершенности / незавершенности, фазовости, однократности / многократности и др. Однако, несмотря на сходство содержательной стороны аспектуальности, русскому и английскому языку свойственны разные комбинации средств передачи указанных значений, непосредственно связанные с общеязыковыми принципами названия действия и репрезентации в языке семантики действия (грамматически, лексически, лексико-

словообразовательно). Анализ повести М. Булгакова «Собачье сердце» и ее английских переводов наглядно демонстрирует, что русский текст реализует аспектуальную семантику посредством возможностей категории вида и лексико-словообразовательных разрядов

русских глаголов, в то время как английский текст репродуцирует аспектуальные значения через возможности разветвленной системы английских времен и аналитических глагольных и неглагольных конструкций с аспектуальным значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис.* Л. : Наука, 1987. 347 с.
2. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. М. : Просвещение, 1967. 192 с.
3. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
4. *Храковский В.С.* Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа) // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 45–80.
5. *Гуревич В.В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М. : Наука, 2010. С. 121–127.
6. *Иванова И.П.* Вид и время в современном английском языке. Л. : Изд-во ЛГУ, 1961. 199 с.
7. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. Изд-во лит. на иностранных яз., 1959. С. 230–272.
8. *Бархударов Л.С.* Очерки по морфологии современного английского языка : учеб. пособие для студентов старших курсов ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1975. С. 156.
9. *Иванова И.П., Булгакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М. : Высш. шк., 1981. С. 46–87.
10. *Есперсен О.* Философия грамматики : пер. с англ. М. : КомКнига, 2006. 408 с.
11. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Междунар. отношения, 1975. 240 с.
12. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. 460 с.
13. *Степкина Т.Н.* Аспектуальные средства английского языка (функциональный подход). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 54 с.
14. *Kabakchev K.* Aspect in English. Netherlands : Kluwer Academic Publishers, 2000. 348 с.
15. *Булгаков М.* Собачье сердце. Сер. Библиотека школьника. М. : АСТ ; Астрель, 2007. 128 с.
16. *Bulgakov M.* The Heart of a Dog / translated by Avril Pyman. Moscow : Raduga Publishers, 1990. P. 195–303.
17. *Bulgakov M.* The Heart of a Dog / translated by Michael Glenny. L. : The Harvill Press, 1989. 128 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 октября 2013 г.